

**Стенограмма заседания "круглого стола" на тему
«Вопросы совершенствования института помилования в контексте гуманизации
уголовно-правовой политики»**

9 декабря 2014 года

К.Э. ДОБРЫНИН

Уважаемые коллеги, добрый день. Прошу прощения за небольшую задержку. Я думаю, что она не скажется на нашей дискуссии. Тема нашего сегодняшнего "круглого стола" назревала давно. Мы с коллегами в комитете обсуждали ее, наверное, с декабря прошлого года. Такие были дискуссии по поводу того, надо ли поднимать вообще проблематику института помилования или нет, и посчитали, что все-таки поднимать ее нужно и нужно начинать эту дискуссию.

Говоря о помиловании, конечно, следует отметить, что он неоднозначно оценивается в обществе, что кто-то считает, что это возможность восстановить справедливость и важнейший акт милосердия. Кто-то считает, что это очередная возможность кому-то избежать заслуженного наказания, то есть когда виновные уходят от наказания. Хотя я искренне считаю, что, конечно, это не так.

Для того чтобы понимать, наверное, где мы находимся, необходимо посмотреть статистику. Она, кстати, очень любопытна в этом смысле. Например, 1992 год. Было освобождено в результате актов о помиловании 2726 человек. И далее кривая шла с увеличением до 1999 года, когда было помиловано 7418 граждан. В период с 2002 по 2014 год было подписано 775 указов о помиловании. По состоянию на этот год, на сегодняшний момент пока подписаны два указа. При этом опять же, если возвращаться к статистике, то она говорит о том, что только 4 процента помилованных вновь повторно совершают преступления. Если сравнивать, например, с амнистируемыми, то это 40 процентов рецидива.

Здесь возникает вопрос, во-первых, с чем связано столь резкое падение числа помилованных. И вообще возникают вопросы касательно самого института помилования и его возможного совершенствования. Я бы разделил вопросы, которые касаются совершенствования института помилования на такие, вы знаете, четыре большие группы. Первая – это вопросы процессуального характера. Второе – это вопросы и проблематика материального характера.

Третье я бы обозначил как проблемы законодательного и организационного характера. И четвертое – это проблемы, скажем так, философско-правового характера или доктринального. Это наиболее интересные, как мне кажется.

Когда я говорю о вопросах процессуального характера, то, в-первых, это, конечно, громоздкость самой процедуры прохождения ходатайства о помиловании, начиная с администрации исправительного учреждения и заканчивая Президентом России. Второе – это вопросы, которые возникают возможного расширения перечня лиц, которые могут обращаться с ходатайством о помиловании осужденных. Теоретическая возможность включения в этот перечень адвокатов, или законного представителя, или близких родственников осужденного.

Далее такой вопрос, как вопрос о части наказания, который осужденный должен отбыть перед применением к нему помилования. Этот вопрос тоже законодательно не урегулирован.

Также само положение о порядке рассмотрения ходатайства о помиловании не содержит срок, в течение которого Президент России должен принять решение о помиловании. Соответственно получается такой некий бессрочный характер реакции на ходатайство, что, мне кажется, нуждается все-таки в определенном процедурном упорядочивании.

Вообще вопросов масса. Например, такой давний вопрос, который встает еще с XIX века, это вопрос о том, может ли осужденный отказаться от помилования, хотя предполагается, что в теории права этот вопрос уже был решен, в том числе коллегой Таганцевым, Кистяковским, которые считали, что акт помилования, как проявление публичного права, не может зависеть от воли преступника и помилованный не может отказаться от дарованной ему милости и просить о применении наказания, хотя есть и другие точки зрения.

То, что касается вопросов материального характера.

Здесь речь идет в том числе и о роли комиссий по вопросам помилования, так как они готовят заключения, которые в итоге ложатся в основу принятых Президентом решений, и практика работы этих комиссий так же, как и практика толкования норм тоже весьма разнообразна. Поэтому, возможно, стоит вопрос о выработке единой политики применения помилования в отношении степени тяжести преступления, освобождения от дополнительного наказания и вида помилования.

Также вопрос – проблема возмещения ущерба осужденным, в отношении к которым принимается решение о помиловании. То есть должен ли он полностью возмещать ущерб до принятия решения.

Что касается вопросов законодательного характера, то вопрос очевиден. Дело в том, что сейчас порядка семи групп нормативных актов, которые касаются этого института. Это международные правовые акты, это Конституция, это Уголовный кодекс, это Уголовно-исполнительный кодекс, межведомственные акты и ряд решений Конституционного Суда. Естественно, при такой разбросанности законодательных актов есть определенная такая, скажем так, дискреция в этом институте. И вопрос вопросов, который всегда поднимался и до сих пор поднимается, нужен ли и в каком виде отдельный федеральный закон о помиловании, который четко будет всю процедуру упорядочивать.

Что касается, как мне кажется, наиболее, вообще, базовых вопросов – это вопросы философско-правового и доктринального характера, потому что, ответив на них, можно спокойно решить все остальные вопросы. Если говорить вообще о самой доктрине помилования, то мне лично близка доктрина, которая заключается в том, что акт помилования вообще находится за пределами уголовной юстиции, что это не акт правосудия, он не вторгается в компетенцию судебной власти, это вообще некая такая милость свыше, назовем это так. И очень важно понимать, что помилование по своему смыслу, конечно, противоположно невиновности, потому что обвиняемого можно либо помиловать, либо признать невиновным, одновременно это сделать невозможно.

Второй очень важный аспект, который здесь присутствует, помилование – это очень такой глубокий психологический акт, причем, как с одной стороны, если мы говорим о верховной власти, так и непосредственно, если мы говорим об отношении самого лица, который просит о помиловании. Потому что если человек просит о помиловании, значит, прежде всего, он должен осудить свое преступление внутри себя, тогда он просит о помиловании.

И в этом смысле, кстати, очень показательна дискуссия декабря 2013 года, когда институт помилования очень привлек к себе внимание в связи с помилованием Михаила Ходорковского. И вновь тогда возник целый пласт вопросов правового и процедурного характера, и возможности регламентации данного института у нас в российском праве. И вопрос вопросов заключался тогда примерно следующим образом: надо ли для признания

помилования признавать вину или нет? И является ли непризнание вины при применении института помилования таким своеобразным доказательством невиновности, приговором наоборот?

Мне кажется, что вообще сама постановка этого вопроса и его различная трактовка происходит из-за того, что люди зачастую воспринимают институт помилования как институт восстановления нарушенных прав, что, мне кажется, в корне неверно. Потому что механизм восстановления нарушенных прав в уголовном судопроизводстве – это не помилование, это не амнистия, это такой механизм как реабилитация. Поэтому когда гражданин, даже если его фамилия Ходорковский, находится на этой развилке выбора и в итоге выбирает институт помилования и направляется по этой процедуре, то здесь неважно внешнее описание мотивации и его отношения к этому институту. Он избрал именно этот путь.

Поэтому, когда вина доказана, приговор постановлен, и человек просит милости – он соглашается, что это не вопрос реабилитации, а это вопрос милости государства за свершенное деяние. То есть невозможно помиловать невиновного, в этом вся суть института помилования, даже если по своим последствиям они схожи. Вот мое отношение к этому.

Коллеги, я призываю всех сегодня поставить очень правильно все вопросы, которые касаются института помилования, и наметить возможные пути их решения. Потому что у нас нет здесь торопливости, но теоретически, поработав в течение следующего года, мы можем на что-то выйти. А на что мы сможем выйти, я думаю, что мы поймем в том числе в процессе нашей сегодняшней работы.

Я желаю всем интересной и хорошей научной дискуссии.

Я с радостью предоставляю слово Федотову Михаилу Александровичу, председателю Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

М.А. ФЕДОТОВ

Спасибо, Константин Эдуардович.

Уважаемые коллеги, мне кажется, что тема, которую мы сегодня обсуждаем, не просто актуальна, а именно тема сегодняшнего дня, хотя бы просто потому, что об этом сейчас говорят не только в Совете Федерации, об этом говорит и глава государства. И на встрече Президента Путина с Советом по развитию гражданского общества и правам человека поднималась тема амнистии и помилования, и по результатам этой встречи Президента подписал несколько дней

назад перечень поручений, одним из пунктов которого является подготовка предложений по совершенствованию института помилования. Инициатором этой темы на данном заседании был Алексей Сергеевич Козырев, присутствующий здесь член нашего совета. Но должен сказать, что эта тема поднималась в совете и раньше, этим занималась, в частности, член совета Тамара Георгиевна Морщакова, присутствующая также здесь. Я надеюсь, что они в своих выступлениях расскажут о той работе, которая уже проделана советом и которая будет проделана советом, потому что теперь мы имеем совершенно конкретное поручение главы государства: подготовить предложения.

И инициатива Константина Эдуардовича Добрынина мне кажется очень своевременной. Эти наши предложения могут обрести форму проекта федерального закона. Мне кажется, что это очень разумно, потому что проблемы, связанные с институтом помилования, действительно достаточно многогранны. И это не только концептуальная оценка института помилования, как акта высшего милосердия со стороны высшего должностного лица государства, мы прекрасно понимаем, что вообще институт помилования уходит своими корнями в древность, актом помилования суверен выражал свою волю в отношении любого из своих подвластных. Это была воля, основанная на милосердии. Это как бы одна сторона проблемы, потому что законодательство про это ничего нам не говорит.

Есть и вторая сторона проблемы. Ведь институт помилования упоминается в Конституции в двух разных статьях. Обратите на это внимание. В одной статье помилование определяется как исключительное полномочие главы государства, а в другой статье, в другой главе Конституции говорится о права осужденного просить о помиловании. Это два разных права. И федеральный закон мог бы показать правовые механизмы, которые соединяют эти два права между собой. В частности, простой вопрос: связан ли глава государства ходатайством осужденного о помиловании или не связан?

Может он помиловать того, кто к нему с просьбой о помиловании не обращался, или не может? Закон... да, закон говорит нам, что, в частности Уголовно-исполнительный кодекс определяет процедуру оформления ходатайства о помиловании. Но это говорится о другом. Это не о полномочии Президента говорится, а это говорится о том, как реализуется право осужденного. А полномочия Президента разве они ограничены? Или они не ограничены?

Сейчас мы можем на эту тему спорить и выдвигать разные аргументы. Когда появится федеральный закон о помиловании, мы сможем уже четко ответить, как связаны между собой эти два права, эти два субъективных права, эти два полномочия.

Мне кажется, что одновременно с работой над проектом закона о помиловании нужно подумать и о том, как действительно развивается у нас практика помилования, и как механизмы реализации института помилования связываются с реальной практикой. Действительно до конца тысячелетия число помилованных росло из года в год, а потом был принят указ, был издан указ Президента, который определял другой порядок работы с ходатайствами о помиловании, и статистика резко пошла на убыль.

Хорошо это или нет? Я не готов сейчас давать оценку, но давайте подумаем над этим, подумаем в процессе работы над проектом закона. Может быть, действительно у нас сложилась ситуация, когда административные механизмы, работающие на уровне субъектов Федерации в этих комиссиях по помилованию в субъектах Федерации, они ограничивают полномочия Президента. Ведь фактически это так.

Поэтому мне кажется, что наша работа на этом направлении абсолютно своевременна. И одновременно я хотел бы сказать, что мне кажется, очень важным подумать и над расширением института помилования как такового. Почему у нас помилование только в уголовном праве может быть? Разве в Конституции написано уголовное помилование? Разве написано в Конституции помилование лица, осужденного за уголовное преступление? Нет этого в Конституции. Поэтому давайте подумаем, а возможно ли помилование, то есть акт, индивидуальный акт милосердия со стороны главы государства в отношении лиц, которые привлечены к другим видам ответственности, в частности к административной ответственности. Почему нет? Это я вывожу и по аналогии из норм, касающихся амнистии. Связанные институты.

В отношении амнистии мы знаем, что Кодекс об административных правонарушениях говорит о возможности административной амнистии. Сейчас нам говорят об амнистии капиталов. До этого ставился вопрос о миграционной амнистии. Одновременно говорится о налоговой амнистии. Коллеги, посмотрите, сколько видов амнистии, а закона об амнистии нет.

Поэтому мое предложение – одновременно начать работу сразу над двумя законопроектами: проектом федерального закона о помиловании и проектом федерального закона об амнистии. Я думаю, что это будет своевременно и очень полезно, потому что на

сегодняшний день каждый раз, когда возникает инициатива объявления амнистии, а амнистия, как вы знаете, относится к исключительной компетенции Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, каждый раз возникает вопрос – а вот это мы включаем или мы это не включаем? А почему? Где общие принципы объявления амнистии? Где общий порядок объявления амнистии и применения амнистии?

Каждый раз мы начинаем с нуля. Мне кажется, это не совсем разумно, если хотите, не совсем технологично даже. Поэтому мне кажется, что мы могли бы подумать сразу о том, чтобы готовить сразу два законопроекта.

Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Михаил Александрович.

Знаете, я буквально ремарку по вопросу, хорошо или нет снижение количества актов. Я бы даже не так, может быть, поставил. Хороша или нет такая волатильность статистики. Мне кажется, вот это неправильно. Мне кажется, должна быть некая линия стабильная. Не может быть каких-то таких странных перепадов. Поэтому на этот вопрос и придется ответить, в том числе и в процессе работы, я думаю.

Коллеги, хотел бы предоставить слово Сидоровой Наталье Александровне, доценту кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Н.А. СИДОРОВА

Уважаемые коллеги, добрый день. Спасибо за возможность представить определенную позицию по этому вопросу. Само по себе проведение "круглого стола" свидетельствует об актуальности и необходимости разрешения указанной проблемы, проблемы, связанной с институтом помилования.

Институт помилования – институт, который известен практически всем странам в той или иной форме. И вопросы помилования все чаще и чаще возникают и в научной среде, и в среде практических работников, вызывают споры, связанные особенно с отдельными резонансными уголовными делами.

Применительно к Российской Федерации в соответствии с действующей на сегодняшний день Конституцией каждый осужденный имеет право просить о милости, имеет право просить о смягчении наказания как раз в форме помилования. В нашей стране это

исключительное право принадлежит Президенту. И никто не может быть дискриминирован в реализации этого своего права.

Если обратиться к правовой позиции Конституционного Суда, то в частности Конституционный Суд в своем постановлении от 20 ноября 2002 года говорил, что право просить о помиловании вовсе не зависит от таких обстоятельств, как категория преступления, за которое отбывают наказание осужденные, от размера назначенного наказания и от условий его исполнения. В истории нашей страны встречались различные виды помилования, в том числе помилования, которые носили явно политический характер. Здесь можно вспомнить помилование Эдмонда Поула в 2002 году и помилование, имевшее резонансный характер, которое имело место в декабре 2013 года. Именно после этого возник целый ряд вопросов правового и процессуального характера регламентации института в рамках российского права.

В настоящее время, наверное, можно сказать, что институт помилования – это межотраслевой комплексный институт, который регламентируется самыми различными актами. Это и международно-правовые акты, и Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс, Процессуальный, Уголовно-исполнительный кодекс, указы Президента, в частности о котором уже говорили – указ № 1500, договоры, ведомственные, межведомственные акты и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Вот такое разнообразие источников, наверное, не может не привести к определенным сложностям в правоприменении. Это все создает определенные препятствия в процедуре помилования, в доступности этой процедуры, в своевременности и эффективности процедуры помилования. Тем более что в сферу подготовки материалов, связанных с помилованием, вовлечен целый ряд различных организаций, ведомств и общественных организаций. Это и администрация уголовно-исполнительной системы, это и комиссии помилования, это и управление Администрации Президента, на которое возложена окончательная подготовка соответствующих материалов.

В 2009 году нынешний Министр юстиции Александр Владимирович Коновалов в частности сказал, что одна из основных проблем состоит в том, что институт помилования претерпевает серьезную конкуренцию со стороны института условно-досрочного освобождения из-за того, что он довольно громоздкий. С этим достаточно сложно не согласиться. Мы с вами сказали уже о том, что достаточно много нормативных актов и ведомственных актов используется в сфере реализации права на помилование.

Анализ нормативной базы, в том числе и указов Президента, того самого указа 2001 года с последующими редакциями показал, что существуют определенные правовые огрехи, пробелы в правовом регулировании, ликвидировать которые можно при наличии единообразного подхода к этой проблематике и комплексного подхода к разрешению поставленных задач.

На наш взгляд, это возможно при создании единого федерального закона, о котором Михаил Александрович здесь уже говорил, и Константин Эдуардович упоминал. Наверное, целесообразность разработки такого закона можно объяснить целым рядом обстоятельств. В частности, одним из таких обстоятельств является то, что реализация права на рассмотрение обращения о помиловании должно осуществляться именно на основе федеральных норм, а не целой группы соответствующих актов. В действующих актах на сегодняшний день не регламентирован целый ряд таких проблем, как возможность помилования без ходатайства. (Михаил Александрович уже об этом говорил.) Не содержится правил по поводу того, кто может обращаться с просьбой о помиловании, кто должен подавать такое ходатайство. Ходатайство, безусловно, может быть внесено любым заинтересованным лицом, с одной стороны, это может быть и администрация учреждения, и иной орган, исполняющий наказание, частные лица. Но именно в указе Президента, а не в федеральном законе установлены определенные рекомендательные ограничения, которые применяются в отношении лиц, совершивших определенной категории преступления, и к которым, как правило, не применяется помилование. Но, с другой стороны, нельзя без внимания оставлять такой аспект проблемы, как стимулирование законопослушного поведения осужденных. Если будут соответствующие ограничения пониматься не как рекомендательные, а как обязательные, безусловно, у лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, в частности, упомянутых в соответствующем положении, может быть не будет внутреннего стимула каким-то образом вставить на путь исправления.

Кроме того, немаловажное значение здесь имеет и институт предупреждения преступления среди лиц, к которым применено помилование. И здесь в качестве сравнения были приведены цифры, из которых явствует, что лица, к которым применялся институт помилования, имеют меньший рецидив, чем лица, к которым применялся институт условно-досрочного освобождения.

Регламентация на сегодняшний день помилования не разъясняет порядок его применения, у нас нет законодательного понятия, что такое "помилование"? Есть доктринальное толкование, есть различные суждения по этому поводу, но, к сожалению, действующее законодательство не помогает нам понять.

Не раскрывается правовая природа помилования как таковая, и соответственно механизм ее действия.

Одним из пробелов регламентации института помилования является неразрешенность вопроса о том, что будет с материальным ущербом, когда к лицу будет применено помилование, в частности, освобождение от дальнейшего отбытия наказания. В свое время, когда разрабатывался проект Уголовного кодекса Российской Федерации, обсуждалось предложение о введении так называемого института условного помилования, который мог бы сыграть определенную положительную роль в отношении лиц, которые совершили тяжкие и особо тяжкие преступления.

Еще один вопрос, который не разрешен на сегодняшний день и который упоминался, но тем не менее остается до сих пор актуальным, это вопрос о том, должен ли осужденный, который обращается с правом о помиловании, признавать свою вину? Давайте обратимся к статье 51 Конституции, само по себе наличие института свидетельского иммунитета было бы нарушено, если бы ставили в обязательные условия для прошения помилования признания лицом своей вины. Статья 51: "Никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своих близких и так далее".

Помилование как исключительное полномочие главы государства может осуществляться как по непосредственному усмотрению лица, так и по инициативе иных лиц (о чем мы говорили). Но в то же самое время нам представляется, что помилование может даваться без ходатайства лица, без его согласия, без одобрения, даже вопреки воле осужденного, потому что акт помилования вообще может составиться независимо от волеизъявления соответствующего лица. И свидетельством тому является один из указов Президента Российской Федерации от 8 марта 2003 года – указ № 277. Президент Российской Федерации помиловал 97 женщин, которые не изъявляли соответствующего желания.

Ну здесь мотивировка была "Руководствуясь принципами гуманности, постановляю помиловать", как традиционная формулировка во многих указах.

Конституционный Суд Российской Федерации определил в одной из своих позиций, что акт помилования реализуется вне рамок отправления правосудия по уголовным делам. Толкуя такую правовую позицию, можно прийти к выводу, наверное, что право миловать может быть использовано на любой стадии уголовного процесса, что мы с вами имели до 1958 года однозначно. И, в частности, основанием для отказа в возбуждении уголовного дела и прекращении возбуждения уголовного дела в УПК РСФСР было такое основание, как наличие акта амнистии и акта помилования.

Может быть, имеет смысл вернуться к этой ситуации. И в этом смысле, если мы с вами говорим о возможности миловать на любой стадии процесса, это может быть до судебного приговора, после приговора, но до приведения в исполнение, во время отбытия наказания и так далее. И в этом смысле помилование может быть полным, безусловным, частичным, условным и так далее.

Наверное, говорить о проблемах, которые возникают при реализации права на помилование при реализации норм института помилования можно много и долго. К сожалению, таких проблем достаточно много, но позвольте мне сделать некоторый вывод.

Мне кажется, что можно говорить о том, что на сегодняшний день уже назрел вопрос разработки и принятия отдельного федерального закона, в рамках которого была бы решена вот эта комплексная задача, связанная с институтом помилования.

Аналогичная попытка разработать федеральный закон о помиловании была уже сделана в 2001–2002 годах авторским коллективом под руководством профессора Селиверстова. На тот момент он работал в Аппарате Уполномоченного по правам человека.

В 2002 году на этот законопроект было дано отрицательное заключение Министерства юстиции, поскольку представители Министерства юстиции посчитали, что проект будет каким-то образом уменьшать право усмотрения Президента при реализации права на помилование.

Представляется, что вопрос о необходимости разработки и принятии соответствующего федерального закона все еще остается актуальным. И в нем должны быть регламентированы именно вопросы комплексно: и уголовно-правовые, и уголовно-процессуальные, и организационно-технические вопросы. Именно в этом законе они, в целом в группе (да?) соответствующих актов должны быть рассмотрены, и определены основания и условия помилования, определен порядок подготовки и рассмотрения таких ходатайств,

сформулированы определенные формальные требования, в том числе и вопросы о сроках, документах, прохождении (да?) – вот вся вот эта процедура.

Дело в том, что регулирование конституционного права гражданина подзаконными нормативными актами или иными нормативными актами, иными актами, чем федеральный закон, не может быть признано обоснованным. И принятие данного предложения о разработке соответствующего федерального закона о помиловании не приведет к ограничению компетенции Президента Российской Федерации в области помилования. Но позволит на законодательном уровне, во-первых, упорядочить соответствующий процесс, определить гарантии прав человека на обращение за помилованием, и избежать таких непростых коллизий, которые в последнее время все чаще и чаще возникают в практике применения норм института о помиловании. Спасибо за внимание.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Наталия Александровна.

Калашник Максим Владимирович – директор Департамента конституционного законодательства Министерства юстиции.

Пожалуйста.

М.В. КАЛАШНИК

Уважаемый Константин Эдуардович, уважаемые коллеги! Институт помилования имеет многовековую историю. Он есть практически во всех странах. И право обращения за помилованием является одним из фундаментальных прав человека. Его суть выражается в исходящем от высшего должного лица государства полном или частичном прощении человека, совершившего преступление, путем полного или частичного его освобождения от уголовного наказания и иных уголовно-правовых осуждений.

Помилование наряду с амнистией, пожалуй, можно отнести к категории особых правовых институтов, осуществление которого можно было бы возможным и при отсутствии в уголовном законе норм, предусматривающих их реализацию. Но при этом при всем, мне кажется, что помилование ставить в один ряд с амнистией нельзя.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что осуществление помилования отнесено к исключительным прерогативам Президента Российской Федерации и не предусматривает право Президента Российской Федерации делегировать свои полномочия по осуществлению помилования другим органам или должностным лицам.

В социально-политическом аспекте этот институт является важнейшим показателем уровня демократичности общества. В нем заложены принципы гуманизма и милосердия. Сам институт помилования должен способствовать повышению авторитета руководителя государства, демонстрируя его принципиальность и государственный прагматизм, с одной стороны, человеколюбие и милосердие – с другой. В этом заключается один из аспектов социально-правового назначения института помилования.

В свою очередь нельзя не отметить, что традиции помилования в нашей стране были развиты достаточно широко. И в последнее время в Российской Федерации накоплен большой опыт по проведению процедур помилования в ходе социально-политических реформ и совершенствования мер уголовно-правового поощрения лиц отбывающих наказание.

Комиссия по помилованию при Президенте Российской Федерации, действовавшая до декабря 2001 года, неоднократно подвергалась критике со стороны ученых и общественности в связи с чрезмерно широкими и масштабными помилованиями, а также освобождением от наказания лиц, осужденных за тяжкие преступления. Константин Эдуардович перечислил цифры за последние 20 с лишним лет и они об этом говорят.

В настоящее время действует механизм помилования, регламентированный указом Президента от 28 декабря 2001 года № 1500, в котором утверждено положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании Российской Федерации. Данный механизм доказал свою эффективность. Практика применения помилования свидетельствует о том, что Президент Российской Федерации стал чаще применять помилование к лицам, осужденным за преступления средней и небольшой тяжести, к женщинам, имеющим малолетних детей, другим группам осужденных, которые на момент помилования уже перестали представлять серьезную опасность для общества.

Вместе с тем, анализ функционирования института помилования на сегодняшний день все-таки позволяет указать на ряд проблем в этой области. Проблема, на которую уже было обращено внимание, – это то, что не устанавливается срок, в течение которого Президентом принимается решение о помиловании, либо об отклонении ходатайства о помиловании. В этой связи следует отметить, что конституционное право осужденного просить о помиловании, несомненно, предполагает его право на рассмотрение соответствующего ходатайства в разумный срок, который должен быть нормативно установлен.

Как уже говорилось, нуждается в разрешении и вопрос о помиловании без ходатайства осужденного. С одной стороны, в настоящее время возможность помилования осужденного без его ходатайства не предусмотрена в явной форме никакими нормативными правовыми актами. Как указ № 1500, так и статья 176 Уголовно-исполнительного кодекса регламентируют лишь процедуру помилования по ходатайству осужденного. Исключение составляет только помилование осужденного к смертной казни, которое возможно и без согласия осужденного. Об этом у нас идет речь в части третьей статьи 184 Уголовно-исполнительного кодекса.

С другой стороны, ни Конституция Российской Федерации, ни Уголовный кодекс ничем не ограничивают президентское право помилования осужденного, в связи с чем основания и порядок помилования остаются на полное усмотрение Президента Российской Федерации.

В рамках разворачивающейся в обществе дискуссии по совершенствованию института помилования следовало бы также, наверное, рассмотреть вопрос и применения условного помилования. То есть замены реального наказания условным. Такой вид помилования, как говорилось, уже применялся. И в этой связи, помимо гуманной составляющей, акт помилования является еще и доверием к осужденному. Если он не оправдывает оказанного доверия, то есть грубо нарушается общественный порядок, совершается новое преступление, значит, помилование было ошибочным. Использование условного помилования служило бы гарантией положительного поведения осужденного после применения к нему помилования, а также не дискредитировало бы сам институт помилования в случае совершения помилованным лицом нового преступления.

Также необходимо отметить, что при рассмотрении ходатайства о помиловании совершенно отсутствует механизм учета мнения потерпевших от преступлений. Вместе с тем, закон должен охранять в равной степени права и законные интересы всех лиц, как осужденных, так и потерпевших от их преступлений. Как любой осужденный вправе рассчитывать на нисхождение и помилование, так и жертвы его преступлений вправе надеяться на применение со стороны государства адекватных уголовно-правовых санкций против того, кто посягнул на их права и свободы.

тг

Что касается вопроса разработки отдельного федерального закона, который регламентировал бы порядок реализации конституционного права осужденного на обращение с

ходатайством о помиловании и определял бы компетенцию органов, уполномоченных участвовать в рассмотрении данных вопросов, то в этой связи следует отметить, что согласно статье 89 Конституции Российской Федерации полномочие Президента Российской Федерации осуществлять помилование не предусматривает регулирование этого вопроса на законодательном уровне.

Свои полномочия по помилованию Президент осуществляет в рамках Указа № 1500, которым утверждено положение о порядке рассмотрения ходатайства о помиловании в Российской Федерации, а также в индивидуальных указах о помиловании, которые носят не нормативный характер. Спасибо за внимание.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Максим Владимирович.

У меня... Я правильно понял, что Вы все-таки за точечные законодательные изменения в институт помилования, то, что Вы обозначили? Я имею в виду помилование без ходатайства, срок на рассмотрение, там условное помилование?

М.В. КАЛАШНИК

На сегодняшний день то, что можно было бы сказать, лично мое мнение...

К.Э. ДОБРЫНИН

То есть они, очевидно, нужны. Правильно я понимаю те вещи, которые...?

М.В. КАЛАШНИК

Да, какие-то точечные изменения нужны, но вообще рассматривать вопрос о передаче компетенции Президента на уровне федерального закона, может быть, здесь есть смысл подумать над этим. Почему? Потому что...

К.Э. ДОБРЫНИН

Для этого и собрались...

М.В. КАЛАШНИК

... системный анализ вообще полномочий Президента, установленных в Конституции, на сегодняшний день говорит именно о том, что это исключительное полномочие Президента. В общем-то, как и если мы обратимся к амнистии, то на это следует тоже обратить внимание, что закона об амнистии на сегодняшний день нет, и Государственная Дума принимает эти решения самостоятельно. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Но это не есть хорошо.

А.А. ТЕДЕЕВ

Можно?

К.Э. ДОБРЫНИН

Да, только представьтесь, пожалуйста.

А.А. ТЕДЕЕВ

Тедеев Астамур Анатольевич, Высшая школа экономики.

Если позволите, вопрос. Правильно ли я Вас понял, что Вы полагаете, что по всем вопросам компетенции Президента, полномочий Президента федеральных законов в принципе принимать нельзя?

М.В. КАЛАШНИК

Нет, совсем не так. Если Вы откроете статью Конституции Российской Федерации, касающейся введения чрезвычайного положения, то в Конституции написано, что чрезвычайное положение вводится Президентом в соответствии с федеральным законом.

К.Э. ДОБРЫНИН

Ответ получен. Спасибо.

И еще, знаете, я не очень понял. Вы предложили учитывать мнение потерпевших. Я не очень понимаю, каким образом Вы себе это видите процедурно, каким образом учитывать это мнение при принятии решения о помиловании? То есть как? Дискреционно его учитывать или некая должна быть формализованность в этом?

М.В. КАЛАШНИК

На сегодняшний день я не готов сказать процедурно, как это, но мне кажется, в рамках одного из последних постановлений Конституционного Суда, который сказал о том, что при условно-досрочном освобождении осужденного должно учитываться мнение потерпевшего, мне кажется, этот вопрос есть смысл проработать и обсудить.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо. Спасибо большое.

Я хотел слово предоставить Кучерене Анатолию Григорьевичу, члену Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по поддержке семьи, детей и материнства. Пожалуйста.

А.Г. КУЧЕРЕНА

Спасибо, спасибо.

Добрый день, уважаемые коллеги! Вопрос помилования действительно волнообразно как-то в нашем обществе периодически обсуждается в зависимости от поводов, и мы знаем, и сегодня было сказано уже о том, что эти вопросы действительно очень активно обсуждаются, тогда когда речь идет о помиловании того или иного человека, который действительно является общественно значимым, общественным деятелем, политиком.

Но дело в том, что, наверно, мы в данном случае должны исходить из того, что когда мы говорим о вопросах помилования, о вопросах амнистии, об условно-досрочном освобождении, то это касается, конечно, не только общественно значимых и тех, кто является публичным, это должно касаться всех граждан. Но, к сожалению, опыт работы показывает, что не все граждане понимают, что это такое, и не все граждане могут обратиться с соответствующим заявлением, в том числе и когда мы говорим об институте помилования.

Могу сказать, что на практике, если брать правоприменительную практику, которая сложилась на сегодняшний день, могу сказать, что путаница достаточно серьезная и, к сожалению, мое мнение, хочу с вами тоже поделиться, что практически очень сложно порой разобраться – помилование, амнистия, условно-досрочное освобождение.

Вот сегодня и Михаил Александрович, и Максим Владимирович в своих выступлениях обратили внимание на проблемы, которые существуют. Но я, как практикующий юрист, часто задумываюсь о том, что вот мы говорим помилование. А надо ли это помилование вообще, простите, вмонтировать в некие нормы права? Глава государства, наверно, должен иметь для себя определенные критерии, которые позволили бы ему помиловать того или иного гражданина.

Да, возникает вопрос с потерпевшим. Но когда мы говорим, что это происходит вне судебно-правовых рамок это помилование, надо ли здесь четко определять какие-то каноны? Вот, на мой взгляд, о чем мы тоже должны задуматься, потому что это тоже своего рода получается действительно путаница. И дискуссии, которые периодически, как я уже сказал, волнообразно происходят в нашем обществе... мы все равно ни к чему хорошему не приходим. Все равно каждый эксперт остается при своем мнении, это и неплохо, наверно, но я бы все-таки институт помилования вообще не ставил бы исключительно в каноны права. Если брать даже нашу историю, историю развития этого института, с имперских времен по сегодняшний день, все-таки я бы как-то, наверно, на эту тему подумал. Но, в конце концов, дать ли

определение что такое помилование (юридическое определение), тоже не понимаю, пока внутри у меня происходят некие такие колебания. Поэтому мне кажется, над этим надо подумать.

Другой вопрос, что, конечно, сегодня много очень таких совпадений, как я уже сказал: амнистия, условно досрочное освобождение. Тогда возникает вопрос: "Чем отличается помилование от акта амнистии?" Только лишь тем, что акт амнистии утверждается в Государственной Думе, а помилование актом Президента. Ну, спорно же всё! Поэтому мне кажется, что если говорить о будущем института помилования, все-таки надо подумать, каким образом сегодня сформулировать вот эту позицию, потому что даже то, что сегодня происходит, у нас нужно подать заявление в субъекты Российской Федерации, комиссия... Это все достаточно субъективно, всегда это субъективно, но тем не менее мы знаем, что достаточно много заявлений, которые поступают в те же комиссии. Они по формальным каким-то моментам просто формально рассматриваются, и человек дальше не может дойти до Президента. Возникает вопрос. Если гражданин написал Президенту заявление о помиловании, что в данном случае должно происходить? Это должно отклоняться либо из Аппарата Президента это должно отправляться в соответствующую комиссию, в субъект Федерации, где человек находится. То есть здесь много таких процедурных вопросов возникает.

Вот процедурные вопросы, может быть, и есть смысл каким-то образом прописать. Не знаю, тоже надо думать, тоже достаточно много вопросов. Поэтому...

Что касается самих потерпевших, надо ли учитывать мнение потерпевшего? Наверное, при условно-досрочном освобождении (и это прописано), да, мнение, наверное, должно учитываться, речь идет о возмещении ущерба и так далее. А что касается помилования, нет, все-таки я считаю, что это другой как бы институт, и в данном случае это исключительно на усмотрение главы государства.

Вопросов много, но я не буду занимать много времени, поскольку знаю, что желающих много выступить. Поэтому я на этом ограничусь, готов принять участие в ходе дальнейшей работы по этой теме. И хотел бы особо поблагодарить ваш комитет, Константин Эдуардович, Вас, что вы эту тему вынесли на столь высокое обсуждение в очередной раз, но надеюсь, что все-таки к чему-то надо прийти, потому что, действительно, на сегодняшний день происходит чехарда в этом смысле.

Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Анатолий Григорьевич, за вопросы.

На один могу ответить сразу, чем отличается амнистия от помилования.

Амнистия – неопределенный круг лиц, а помилование – конкретное лицо. В этом, в принципе, суть правовая, если уж так. А глобально, философски, да, мы об этом и говорим.

Коллеги, хотел предоставить слово Юношеву Алексею Юрьевичу, замначальника правового управления ФСИН России.

А.Ю. ЮНОШЕВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Позвольте поблагодарить за предоставленное слово. Сам институт помилования достаточно прочно связан с самой уголовно-исполнительной системой. Соответственно, этот вопрос нам важен. Он частично по крайней мере задевает и нашу работу. С учетом лимита времени и с учетом того, что уже было сказано, постараюсь не повторяться и посмотреть на проблему со своей колокольни.

Сам институт помилования достаточно известен с древнейший времен уже по всему миру. Соответственно, он достаточно широко был распространен. Необходимо отметить еще и то, что во всех государствах и во все времена институт помилования не был массовым явлением и, соответственно, никогда не ставился в один ряд с решением суда, то есть он был проявлением милости первого лица, скажем так, по отношению к осужденным.

Само помилование заключается в том, что лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания, либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания. С лица отбывшего наказание, может быть снята судимость.

За последнее 10-летие Президент Российской Федерации воспользовался своим исключительным предоставленным ему Конституцией правом и принял решение о помиловании 314 осужденных. В текущем году, уже прозвучало, до настоящего времени было два помилования, что, конечно, несколько ниже, чем в предыдущие годы.

С учетом правовой природы помилования возможно предположить, что оно не является по своему существу отменой вынесенного установленного судебного акта либо признания невиновном осужденного, совершившего преступление. Такой момент является проявлением гуманности государства в отношении конкретного осужденного, проведенного по результатам анализа всех тех материалов, которые привели его к осуждению.

Действительно, возможность применения помилования у нас несколько разбросана. Она регламентируется и положением Конституции, и Уголовного кодекса, Уголовно-исполнительного кодекса. Соответственно, сам порядок ее реализации установлен указом Президента № 1500, который, собственно, описывает сам порядок ее проведения.

Нормативно установлено, что само право на подачу ходатайства не может быть ничем ограничено. То есть это личное волеизъявление. В настоящее время по крайней мере это личное волеизъявление осужденного, и, соответственно, те учреждения УИС, которые получают эти ходатайства, не могут каким-либо образом его задержать и, соответственно, передают дальше по инстанциям с приложением конкретных документов.

Сам порядок работы в уголовно-исполнительной системе дополнительно еще регламентирован приказом Минюста России № 1100. Но, в принципе, он повторяет положения указа Президента. По состоянию на 1 ноября 2014 года, в учреждения уголовно-исполнительной системы подано 3838 соответствующих ходатайств, которые были обработаны, и с приложением необходимых документов, которые установлены указом Президента и приказом Минюста, были переданы для дальнейшего рассмотрения.

То, что касается сроков и времени прохождения ходатайства через все инстанции. То, что касается учреждений уголовно-исполнительной системы, эти сроки достаточно четко и жестко прописаны в указе Президента. Это, соответственно, 10 и пять дней. 10 дней – это в учреждении, пять дней – в территориальном органе, который обрабатывает документы.

В рассматриваемых правоотношениях ФСИН России его органы и учреждения не являются арбитрами, которые устанавливают, кто достоин помилования, кто не достоин. Наша работа заключается в оформлении данного ходатайства, в сборе необходимых документов таких, как заверенные приговоры суда, информация о поведении осужденного, информация о наличии каких-либо денежных взысканий с него, соответственно, и так далее. Соответственно, после того, как эти материалы будут подготовлены, соответствующее ходатайство со всеми этими материалами направляется в комиссию нужного территориального органа.

В состав этой комиссии входят негосударственные люди. Указом Президента предусмотрено привлечение к этой работе достаточно широкого круга общественности, и эти комиссии при главе субъекта Российской Федерации работают самостоятельно, полагаясь на свой жизненный опыт.

Вопросы, которые поднимаются в рамках нашего "круглого стола", полагаю, что они заслуживают обсуждения и, возможно, достаточно тщательной проработки. Сразу на первый взгляд бросается вопрос об общем сроке прохождения ходатайства, поскольку часть этих сроков в части того, что касается УИС и комиссии по помилованию, регламентирована указом Президента. Собственно, его резюме ни под какие сроки не подпадает.

В настоящее время в научных кругах рассматривается достаточно большое количество предложений, направленных на совершенствование рассматриваемого механизма. Полагаю, что цель этой работы – найти так называемую золотую середину, рассмотреть все те предложения и, возможно, внедрить их в действующие нормативно-правовые акты. Возможно, это целесообразно сделать путем дополнения указа Президента. Это можно посмотреть как раз то, что я сказал в части сроков, прохождение.

Со своей стороны отмечу, что ценность института помилования, наверное, заключается в его исключительности и постановка данного вопроса на какой-либо конвейер, либо существенное увеличение количества данных помилований вряд ли будут логичными.

Говоря о помиловании и его видах необходимо отметить, что существует еще значительное количество институтов, которые способствуют снижению срока заключения. Это уже прозвучавший здесь институт амнистии, это условно-досрочное освобождение, это замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, а также освобождение в связи с тяжелой болезнью или инвалидностью.

Почему я упомянул об этом? Потому что количество осужденных, воспользовавшихся данными институтами, достаточно значительно. За девять месяцев 2014 года количество осужденных, которым заменена неотбытая часть наказания более мягким видом наказания, составило 4407 человек, осужденных, освободившихся условно-досрочно, более 40 тысяч человек, осужденных, освобожденных по основному заболеванию, более 600 человек.

Полагаю, что цель нашего "круглого стола" – обсудить именно все те предложения, которые возникли в достаточно длительный период, по модернизации этого института. Полагаю, что все они могут быть в ходе дискуссии, мы можем прийти к этой золотой середине. Спасибо за внимание.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо, Алексей Юрьевич.

Колокольня ФСИН высокая, с нее дальние уголки страны видны.

Единственное, знаете, Вы сказали, что много различных институтов по снижению срока заключения. Мне кажется, что все-таки институт помилования стоит абсолютно особняком. Это некий сверхинститут, и я бы его не смешивал и не сравнивал с другими, потому что это совершенно особый по своей силе, по своему криминологическому воздействию институт. Поэтому я бы одно с другим, конечно, не мешал.

Вопрос у меня возник. Вы сказали, что подача ходатайств никем не может быть ограничена. А, как Вы считаете, надо ли расширять круг лиц, которые будут полномочны заявлять ходатайства, помимо самого осужденного.

А.Ю. ЮНОШЕВ

На мой взгляд, достаточно сложный вопрос и, наверное, тоже все-таки требует проработки.

К.Э. ДОБРЫНИН

Он не очень сложный, кстати.

А.Ю. ЮНОШЕВ

Лично от себя что могу сказать, сталкиваемся иногда с такими обстоятельствами, что при рассмотрении даже тех же жалоб родственников осужденных, когда начинаем проводить проверку, убеждаемся в том, что осужденный говорит: "У меня нет таких родственников, я не знаю, кто это написал". И поэтому здесь при применении данного института, возможно, все-таки уточнять, а знает ли об этом ходатайстве сам осужденный, и, вообще, поддерживает он его и согласен ли с ним.

В этом ничего плохого нет, даже, если родственников нет. Что в этом плохого? Ну нет родственников. Даже тот факт, что еще раз будет проверено дело, что в этом плохого.

А.Ю. ЮНОШЕВ

Вопрос не в том, что... Ну поскольку у нас институт помилования является все-таки ходатайством осужденного об освобождении...

К.Э. ДОБРЫНИН

Алексей Юрьевич, это совсем Вы другую тему подняли. Почему появляются такие жалобы (да?) и такие родственники – это, конечно, тема не этого "круглого стола", но я думаю, что ФСИНу об этом точно надо задуматься, потому что, если вдруг появляются такие странные

ходатайства, и почему не родственники, а кто-то вдруг их пишет – это о многом говорит, кстати. Но эта тема все-таки не нашего "круглого стола". В любом случае, спасибо за мнение.

И я с радостью предоставляю слово Мирзоеву Гасану Борисовичу, ректору Российской академии адвокатуры и нотариата.

Г.Б. МИРЗОЕВ

Спасибо, Константин Эдуардович. На самом деле вопрос актуальный. И я думаю, что в свое время он своевременно поставлен вами и в Совете Федерации, потому что, на самом деле, что греха таить, мы прекрасно знаем, что тюрьмы у нас переполнены, что тюремное население растет. О гуманизации мы говорим, но реальные меры пока законодательно не принимаются.

Мне кажется, что с учетом нынешней ситуации крайне актуально поставлен вопрос. Чтобы не повторяться, я несколько замечок из своего доклада произнесу, потому что тут некоторое непонимание возникает по существу вопроса.

Вот, например, Люблинский писал, что право амнистии изначально произошло от права помилования. Оно обособлено и обособляется последним только на развитой стадии государственного развития, когда амнистия приобретает гражданско-политический смысл. Французская доктрина впервые разделила эти два института по догматическим критериям, а именно: по юридическому содержанию и компетенции органов государственной власти в их издании.

В то время как амнистия коллективна, она распространяется на определенный круг лиц, по сути дела, коллективна, реальная, не отвергаема, помилование индивидуально, и зависит от воли милуемого. Амнистия изглаживает само преступное деяние, а помилование только наказание, следуемое за ним или за него.

На фоне событий, происходивших в политической жизни происходивших в XVIII–XIX веках тогдашних европейских стран, связанных с либеральными преобразованиями в государственной власти и становлением ее правовых начал, возникла потребность в самостоятельном институте и органе предоставления амнистии, независимо от верховной власти монарха. Таковыми стал институт амнистии, противопоставленный помилованию, прерогативы верховного правителя.

Я эту теорию опускаю, возвращаюсь к нашей сегодняшней ситуации. Как помилование, так и амнистия представляют собой акт проявления гуманизма и милосердия как суть его со

стороны государства, и направлены на полное или частичное устранение юридических последствий совершения преступления.

Однако помилование имеет ряд свойственных только ему институциональных признаков, отличающих его от амнистии. Акты помилования в отличие от актов об амнистии не являются нормативными по своей природе, поскольку выносятся в отношении определенных лиц, осужденных, имеется в виду, то есть акт о помиловании – это все-таки персонафицированный акт.

Помилование представляет собой вид освобождения от уголовного наказания, так же основанием собственно снятия судимости, и не может распространяться на лиц, не признанных судом виновными в совершении преступления.

Третья позиция. Помилование, исходя из положения пункта "в" статьи 89 Конституции Российской Федерации и части первой статьи 85 УК осуществляется у нас Президентом Российской Федерации.

В соответствии с частью второй статьи 85 УК вынесенный акт помилования может повлечь в отношении для осужденного лица следующие правовые последствия: как известно, это освобождение от дальнейшего отбывания наказания, сокращение назначенного судом наказания, замена назначенного судом наказания более мягким ее видами. Кстати говоря, в том числе замена смертной казни пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок 25 лет. Это известная часть третья статьи 53 УК.

И четвертое – это снятие судимости с лица, отбывшего наказание.

Порядок помилования осужденных установлен Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря (уже говорили об этом) № 1500 от 2001 года – о комиссиях по вопросам помилования. Здесь указан порядок.

Я не могу и не люблю читать свои доклады, я просто свои мысли скажу.

Константин Эдуардович, здесь присутствует Михаил Александрович, нами всеми уважаемый, и другие наши члены верховного Суда, уважаемые коллеги, занимающиеся практикой правоприменения и уголовного наказания, они прекрасно понимают, что нужно не просто законодательно как-то оформить все это движение, а просто понять, что сегодня обычное рядовое обращение простого осужденного, который уже не опасен для общества, который зачастую загладил вред и ущерб, причиненный потерпевшему, оно имеет, социальный, если хотите, общероссийский политический характер. Кстати говоря, обратите внимание на

бюрократизацию этого вопроса. Минимум год проходит от ходатайства. Знаете об этом или нет? Константин Эдуардович, вот мы анализировали, адвокаты эту историю, кто практикой занимается, знают.

Мне представляется, если мы говорим о гуманизации наказания, вообще обо всем этом процессе, что подразумеваем под этим, мы должны понимать, что высший акт милосердия, чтобы глава государства проявил эту волю, у него должен быть определенный правовой материал, выводы. И я, например, считаю, что вполне возможно с согласия, безусловно, осужденного сделать, чтобы лицами, которые обращаются с этим ходатайством, были не только сами осужденные, но и общественные организации, ветераны войны и труда, люди, которые знают этого человека. Ведь у нас очень много случаев, когда уголовное наказание настигает лицо в самых разных обстоятельствах. Мы знаем десятки уголовных дел, когда эти дела заказные, когда невиновные люди отбывают наказание реально в условиях современного нашего, к сожалению, осуществления правосудия. Слава богу, сейчас объединили Верховный Суд, сейчас там подходы меняются, здорово это. Но ведь надо еще и дать возможность судебной власти существовать в этих условиях. И надо дать людям возможность использовать все то, что дает наша нынешняя правовая система, если хотите.

Поэтому я, не удлинняя вопроса, считаю очень важным и необходимым на всех путях, на всем протяжении движения от комиссии, начиная даже от обращения осужденного в комиссию, где рассматривать должны... там ей сроки: пять дней, 30 дней, 20 дней. Но в Администрации Президента год фактически. Это что? Мы – представители законодательной власти этот вопрос должны регламентировать, чтобы там тоже были определенные сроки. И, мне кажется, у Совета Федерации такие возможности есть. Мне кажется, что к этим проблемам, связанным с судьбой каждого конкретного человека, акт помилования касается конкретных людей, то должно быть более серьезное, более государственное, если хотите, внимание. И, я думаю, Константин Эдуардович, Ваша команда стоит на правильном пути. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Наша команда.

Спасибо большое, Гасан Борисович.

Коллеги, я с радостью приветствую здесь Моршакову Тамару Георгиевну. И, если она не возражает, хотел бы ей предоставить слово. И сколько Вам времени удобно, конечно. Как Вы удобно, хотите здесь, хотите там. Давайте тогда там, чтобы Вас все видели.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Спасибо большое за то, что мы имеем здесь возможность обсуждать эту проблему. Проблема действительно имеет все основания считаться у нас не очень хорошо решаемой.

Но я бы сначала хотела выделить несколько общих аспектов, а потом совершенно вернуться на землю, к конкретной практике.

Общие аспекты вот с чем связаны. Здесь мы начали с того, что нам необходимо какое-то новое регулирование в области помилования. Здесь правильно развивается идея о совершенно возможном таком акте, как федеральный закон (я считаю, что он возможен).

Но я бы начала все-таки с другого и вот с чего. То, что в нашем нынешнем регулировании, в том числе и в конституционном, и в уголовном, и в уголовно-исполнительном законодательстве, не урегулированы добуквенно все вопросы, связанные с помилованием, и то, что мы называем пробелами, это вовсе не всегда должно толковаться как пробелы. Почему? Я не могу не поддержать здесь Анатолия Григорьевича, потому что то, что нам представляется пробелами, иногда есть просто результат не ограничиваемого права двух субъектов, которые действуют в сфере помилования: Президента (и это факт) и второе – это лица, которое может рассчитывать на помилование, любого лица, которое подверглось уголовному преследованию. Поэтому надо исходить, прежде всего, из этого.

Причем помилование не ограничено по всем абсолютно признакам. Приведу хотя бы некоторые из них. Мы говорили о разных способах помилования, о том, что можно закрепить в законе условное помилование. Конечно, можно. Но я хочу подчеркнуть, что способы помилования не ограничены, это выбор милующего лица. Он хочет освободить от возмещения ущерба, простите, я беру самую большую точку, значит, он освободит от этого. Он хочет назначить помилование, каким-то образом связанное с определенными условиями, это его волеизъявление. Мне кажется, что иной подход был бы просто неправомерен. Единственное, что исключается для милующего лица – использование явных дискриминационных подходов. Вот это исключается. Но и тоже это исключение очень ограничено. Почему? Здесь все говорили о смысле института помилования. Да, это акт милосердия, прежде всего. Но исторически и если хотите, актуально, мы не должны забывать о том, что это еще и акт политической воли человека, который определяет, во-первых, всю внутреннюю политику, во-вторых, в том числе уголовную политику, так формулирует наш конституционный текст, и поэтому у него руки более развязаны в отношении помилования.

Теперь один момент, на который я не могу не обратить внимания, он постоянно звучит в последнее время. Простите меня, я назову это, может быть, резко, но это эксплуатация фигуры жертвы преступления. Вот хотелось бы, чтобы законодательство избегало этой эксплуатации. Мы это имеем сейчас хотя бы на примере института условно-досрочного освобождения, просто совершенно, простите меня, в невыносимых формах. Потому что ни потерпевшие не могут быть найдены за счет государственных средств, чтобы выражать свое отношение к УДО, ни государство не может переложить (и это самое главное) на потерпевших свою обязанность и ответственность за уголовное преследование.

Кстати, в международных правовых документах везде написано, что потерпевшему должно обеспечиваться абсолютно, возможно полное восстановление. Единственное, что не предоставлено потерпевшим – это право преследовать, как говорят международные акты, третьих лиц. Вот от этого нам надо всячески уходить. Это не значит, что мы должны снижать уровень гарантий, обеспечивающих восстановление прав потерпевшего. Наоборот, я считаю, что отказ от предоставления им возможности определять, если хотите, уголовную политику по конкретному делу, послужит восстановлению их прав. Потому что он должен быть связан (и это задача для законодателя, с моей точки зрения, очень важная) с тем, что государство обязано обеспечивать восстановление прав потерпевшего. Неважно, какими регрессными требованиями оно будет потом обращаться к тем, кто должен с его точки зрения действительно отвечать за причиненный вред, но государство должно взять ответственность за восстановление прав потерпевшего на себя. И пока мы ему (потерпевшему) предлагаем старое "око за око, зуб за зуб", государство тем самым себя от этой ответственности освобождает. Это то, что касается общих вопросов, на которых я не могла не остановиться.

Теперь если мы говорим о том, что нам нужен такой акт, безусловно, мы можем найти основания, которые должны привести к его принятию, и нормы, которые могут быть там закреплены, но мы должны исходить из одного. Первое – что право помилования ограничено быть не может ничем, в том числе и процедурами. Если мы подходим к разработке этого акта с этих позиций, тогда за него можно голосовать. Это пункт первый. Пункт второй заключается в том, что, конечно, это не может быть акт уровня субъекта Федерации. Это ни в коем случае невозможно. А это сейчас мы имеем, потому что в субъектах Федерации определенные нормативные акты приняты Министерством юстиции, определенные нормативные акты, инструкции приняты, что не должно ограничивать право, закрепленное на конституционном

уровне во второй главе Конституции, с помощью таких актов недопустимо. И вообще это право ограничению не подлежит.

Теперь что могло бы быть в нормативном регулировании, может быть, даже в положении о помиловании пока у нас нет федерального закона, закреплено, и это, с моей точки зрения, важно. Это касается, собственно, всех вопросов, которые волную всю нашу аудиторию и не только нашу аудиторию. Я бы сказала, что здесь есть нечто подобное действию закона во времени и пространстве и по кругу лиц. Во времени и пространстве и по кругу лиц возможности для помилования не должны быть ограничены. И это общий принцип.

Первое. Безусловно, обращение с ходатайством о помиловании возможно для человека, находящегося под государственным контролем в любых государственных учреждениях. В любых. Не обязательно в тех государственных учреждениях, где отбывается, так сказать, стабильное, назначенное по приговору наказание. Но в любых, где он находится под контролем государства.

Безусловно, об этом много говорили, что ходатайство о помиловании не обязательно должно подавать само лицо. И речь идет не только о тех случаях, когда это лицо не может обратиться с ходатайством о помиловании по состоянию здоровья, по каким-то другим своим характеристикам личностным, иногда, может быть, не хочет, боясь, что тем самым он покается в совершении преступления. Поэтому, я считаю, расширение круга лиц, которые могут обращаться с таким ходатайством, безусловно, необходимо, хотя я считаю, что в нынешнем тексте Конституции, систематическом истолковании его, круг лиц, которые могут обращаться с таким ходатайством, не ограничен. Поэтому подчеркиваю все время этот аспект.

Мне бы хотелось, если мы будем прибегать к нормативному регулированию на федеральном уровне круга лиц, обращающихся с ходатайством о помиловании, чтобы мы не забыли об общественности и, как минимум, об авторитетных в нашем обществе людях, которые могут заявить о необходимости такого, для себя принять этот выбор и обратиться с таким ходатайством о помиловании. То есть это должны быть не только родственники или юридические представители.

Третье, что нужно осознать, неважно, будем мы это закреплять или нет, что возможно помилование без ходатайства. Это не может быть проблемой при неограниченном праве Президента использовать это средств своего отношения к лицу, совершившему деяние и к самому деянию в конкретных обстоятельствах.

Что мне хотелось бы еще сказать? Из конкретики. Конечно, комиссии по помилованию, которые существуют в субъектах Федерации, они должны приобрести какой-то другой совсем адрес. Это должен быть вспомогательный орган по помилованию, это должен быть орган, который объединяет вокруг деятельности по помилованию усилия общественности. Это должен быть орган, который может действительно глубже вникнуть, безусловно, чем Администрация, скажем, Президента в конкретные обстоятельства дела.

Но мне кажется, что из решений комиссий по помилованию в субъектах Федерации должны быть исключены случаи таких отказных формулировок.

Комиссия собирает материалы. Она может настоятельно рекомендовать помилование, но формулировать в своем решении, что она помилование не поддерживает, мне кажется, не должна.

Что бы мы ни говорили, какой рекомендательный характер решениям комиссии по помилованию мы бы ни старались придать, мы знаем прекрасно нашу практику и рекомендательные нормы, в том числе и те, которые заранее ограничивают возможности для некоторых субъектов некоторых преступлений рассчитывать на помилование, тоже не должны иметь место. Это неправильная практика, я думаю, когда помилования адресуются у нас только преступлениям не тяжким и не особо тяжким. Это неправильная практика, и она сложилась под влиянием той ориентации, которую создает именно рекомендация, включенная в положение о комиссиях по помилованию. От этого надо избавляться. Если мы продолжаем, а так получается, что мы здесь имеем консенсус, настаивать на абсолютности права Президента на помиловании, от этого надо избавляться. Поэтому, я думаю, и в решениях комиссии не должны содержаться такие отрицательные для человека заключения этой комиссии. Все-таки это право Президента, и предварять его решение таким образом комиссия не может.

Еще одно обстоятельство, которое из конкретики надо подчеркнуть, связано с тем, какие материалы должны собираться и представляться. Мне кажется, что все материалы, которые хочет представить лицо, рассчитывающее на помилование, должны представляться. Это пункт 1.

И второе – отчего хотелось бы, наоборот, избавиться. Представление администрации учреждения, которая рассматривает вопрос о помиловании, должно быть не мнением администрации, потому что именно задача отличия, здесь правильно было сказано, разных форм освобождения от наказаний должна решаться тоже при дальнейшей конкретизации

регулирования в сфере помилования, если оно состоится. Достаточно мы учитываем при УДО, как он себя ведет, и мнение администрации, достаточно материалов личного дела, из которого ясно, подвергался ли осужденный каким-то мерам воздействия административного порядка или, наоборот, поощрениям. И эта область должна более объективироваться при представлении материалов в отношении будущего помилуемого в объективных материалах его личного дела, а не в мнении администрации исправительного учреждения.

И последнее, на чем я хочу остановиться, это вопрос принципиальный. Он нашим председательствующим был затронут, поэтому не могу по этому поводу промолчать. Это вопрос о том, в чем заключается альтернатива – либо помилование, либо невиновность. Это, простите, теоретически, очевидно, чистая позиция, но она совершенно нереальна ни для какой практики. И когда старые российские специалисты-правоведы анализировали институт помилования, они всегда говорили, что основы его, конечно, милосердие, но это милосердие основывается на двух неопределенностях – на неопределенности закона и на неопределенности практики и судейского решения по делу. И это всё может подправить только высшая власть. Кроме того, мы не должны забывать, что средства доказывания невиновности, и это нормально, в правовой системе России, как и в любой другой правовой системе, исчерпываются очень быстро. И какие бы институты мы с вами дополнительно ни придумывали, как бы мы ни развивали, а это имеет место последнее время, такой институт, как возобновление дел в силу новых и вновь открывшихся обстоятельств, это проблемы решить не может. Поэтому альтернативы либо невиновность, либо помилование я не вижу, как я не вижу никакой возможности привязывать помилование, и об этом уже говорили, к признанию вины. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Тамара Георгиевна, спасибо большое за такое фундаментальное выступление. Единственное несколько вопросов здесь будет. У меня тоже, кстати. Можно я сначала, если вы не возражаете?

Я хотел спросить, это больше вопрос такой практический. Вы сказали, что некоторые вопросы, которые мы трактуем как пробельность закона, на самом деле являются некоей дискрецией между двумя лицами. А Вы готовы будете, если вдруг мы придем к тому, что, возможно, будет некая рабочая группа, помочь нам вычленить, где же действительно пробельность закона, где та необходимая дискреция?

Т.Г. МОРЩАКОВА

Я готова.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

И второй вопрос, который у меня возник, больше такой по сути. Вы сказали, что комиссия по помилованию не должна рекомендовать отрицательные решения. Вопрос абсолютно посоветоваться. А Вам не кажется, что таким образом может ну не потеряться, конечно, смысл работы комиссии, но определенным образом существенно уйти, когда получается, они не могут высказать свое мнение, даже если оно отрицательное.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Вы знаете, мне кажется, что говорить против в этой ситуации...

К.Э. ДОБРЫНИН

В чем тогда смысл...

Т.Г. МОРЩАКОВА

... в этой ситуации, когда мы говорим об институте милосердия, тогда нужно собирать, чтобы говорить против, может быть, какие-то очень широкие формы общественности...

К.Э. ДОБРЫНИН

Но они же не принимают решение о милосердии, а принимать решение о милосердии будет...

Т.Г. МОРЩАКОВА

Вы знаете, я бы посоветовала тогда рабочей группе, которая будет трудиться над этими проблемами, задаться такой целью: проанализировать случаи, когда комиссия говорила, что не надо помиловать, состоялось ли хоть одно помилование. Понимаете.

К.Э. ДОБРЫНИН

Хороший вопрос. Спасибо.

Коллега, у Вас вопрос был. Представьтесь.

С.В. РАСТОРОПОВ

Сергей Владимирович Расторопов, академия Генеральной прокуратуры, доктор, профессор... и неважно.

Уважаемые коллеги, тоже как председательствующий, в таком же контексте посоветоваться. Скажите, идеи сегодня звучали и от уважаемого адвоката и так далее, условное помилование. Скажите, пожалуйста, в чем идея этого института? Не совсем ясно. Во-первых, с

какими условиями будет связано развитие этого института? То есть с виной? Вы говорите: нет. С ущербом? Нет. Тоже можем его освободить. С тяжестью? Нет. Первый вопрос. С какими условиями может быть связано?

Второй вопрос. Кто будет следить за исполнением этих условий? И самый страшный вопрос, на который придется отвечать, чтобы соблюдать права и законные интересы граждан (прокуратура же за этим следит очень тщательно), мы должны будем поставить вопрос о депомировании в случае несоблюдения условий. Ну, это уж вообще, извините, неподъемная проблема. Как Вы к этому относитесь? Спасибо.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Вы знаете, я, наверное, так же отношусь, как и Вы к этому. Я просто привела пример с условным помилованием, как пример очень контрастный того, что мы, не имея этого условного помилования в законе, все равно не можем ограничить Президента в его дискреции. Понимаете. Вот именно это хороший пример, который показывает, что на самом деле дискреция эта не ограничена. Он всегда будет как глава государства ориентироваться все-таки на общество, правда. А все Ваши вопросы, которые Вы ставите, наверное, нужно обсуждать, если законодательная регламентация все-таки состоится. И в этом смысле я повторяю свой тезис: пробел может расцениваться не как явление отрицательное, а как умышленное отношение конституционного законодателя к невозможности поставить пределы абсолютному праву.

У меня тоже вопрос. Можно? Вопрос, который Вы обозначили, Тамара Георгиевна, что касается комиссий, их позиция. Мы знаем, есть некоторые случаи, когда есть предвзятое отношение, кто-то что-то сказал, они что-то с кем-то обсуждали. А вот все-таки, какая форма должна быть? Потому что получается, что у нашего Президента есть исключительная возможность (больше ни у кого такой возможности нет), представляете, взять и помиловать человека! А, получается, что на пути пока это все доходит, есть вот эти комиссии и все прочее.

Действительно был прав Константин Эдуардович, а как им поступить? Им не дать рекомендацию или они опять технически должны собрать некий формуляр, условно, заполнить и отправить в Администрацию Президента. В состоянии ли Президент сам ознакомиться и понять: принять решение или нет. По идее, я считаю, Президент что должен сделать? Он должен пригласить, к примеру, начальника ФСИН и сказать: "Дай мне, сколько у тебя там

людей сидит? Хочу 10 человек помиловать". По идее, я так понимаю этот институт. Но на практике, к сожалению, вот у нас много таких нюансов. Вот как...

Т.Г. МОРЩАКОВА

Здесь важный вопрос один: в той части, когда комиссия не может сформулировать свое, очень активное мнение в поддержку (это можно же представить, это люди собственного убеждения, они на чем-то его основывают), комиссия будет играть роль органа, всесторонне собравшего материалы. Раз.

Два – это вторая функция комиссии, как мне кажется, очень важная – она должна о процессах, которые происходят в ней, информировать общественность. И о ходатайствах она должна уведомить всех лиц, которые могут действовать в связи с этими обращениями и самого человека, и адвоката, и родственников. Эта информация должна стать возможным обсуждением общественности.

Если хотите, тоже будет некий знак тем, кто определяет политику в этой области. Мы с вами не должны здесь бояться кровожадности наших граждан, потому что, когда... Были недавно случаи, когда просили о помиловании больных, женщин с детьми, общественность высказывалась всегда "за". Но это мнение общественности, которое не заключено, юридически оформленное решение хотя бы такого органа, как комиссия при главе субъектов Федерации.

_____ (тот же)

Мне кажется, было бы проще (извините, два слова) некий формуляр: плюс – минус, плюс – минус. Чтобы не давать оценку, мне кажется.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Плюс – минус – нет-нет. Объективно материалы должны быть собраны. Особая подсказка Президенту требуется только в том случае, если комиссия явно настаивает основательно на освобождении. Но это моя позиция. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо, Тамара Георгиевна.

Коллеги, хотел слово предоставить Козыреву Алексею Сергеевичу, председателю Комиссии по вопросам помилования на территории Санкт-Петербурга.

А.С. КОЗЫРЕВ

Спасибо, Константин Эдуардович, что предоставили слов. Спасибо Вам, спасибо Михаилу Александровичу, что вопросы помилования как бы стали близки сердцу их. И я очень этому рад.

Дело в том, что так случилось, еще до того, как я стал председателем комиссии, с момента издания указа № 1500, это 2001 год, этой темой был озабочен, так как (горжусь этим) дружил с Анатолием Геннадьевичем Приставкиным. И все моменты ликвидации комиссии российской были мне знакомы. Он очень волновался и переживал, что, расформировав российскую комиссию, фактически сам институт помилования может быть разрушен.

Но были два аргумента. Первый аргумент – это, что много было помилованных. Хотя я с этим совершенно не согласен. И Анатолий Николаевич тоже был не согласен с этим. Но это было не более 0,5 помилованных от числа находящихся в колонии. Это совсем немного, это в десятки раз меньше, чем условно-досрочное освобождение.

А второй аргумент – то, что комиссия не справлялась в связи с захлестнувшим количеством прошений. Получалась простая арифметика – иногда на одно прошение 15 секунд приходилось. Можно ли за 15 секунд лишить судьбу? Не одну судьбу, здесь судьбы еще стоят и близких, и родных и даже потерпевшей стороны.

Поэтому все-таки этот указ состоялся. И мы видели, и видим сейчас по цифрам, к чему это привело. Я считаю, что институт помилования сейчас не то, что нуждается в точности, он вообще не работает, его не существует как такового.

Я могу это сказать по своей комиссии. Комиссия, если я начну перечислять фамилии, кто был в этой комиссии, начну с Кирилла Лаврова, Андрея Петрова и так далее, вы поймете, что плохо работать такая комиссия не могла, а результат – за 13 лет двое помилованных. Двое. Я не оговорился.

Мы 750 провели исследований прошений. Мы 210 примерно рекомендовали к помилованию, и только два... Мы занимались очень серьезно: мы по восемь, по десять часов спорили, переигрывали, пересматривали, ездили в колонии, встречались с осужденными, встречались с потерпевшими, приходили к какому-то выводу. А результат, КПД какой? Из 100 меньше одного. Есть ли какая-то общественная организация, или Общественная палата, или Совет по правам человека, которые работают с таким КПД?

Фактически получается, на посмешище ставит комиссия. И не только комиссия, и губернаторы, главы регионов, потому что они подписывают, визируют. У меня не было ни разу,

чтобы из трех губернаторов кто-то сказал и не согласился с решением нашей комиссии. Поэтому тут не о точности может идти речь.

Что делать? Я еще раз вернусь к условно-досрочному освобождению и сравню. Поймите, что наиболее выверенный, наиболее точный инструмент – это именно помилование, потому что амнистия – это всех под одну расческу. А УДО – это принимает решение один человек – судья. С какой ноги он встал сегодня, неизвестно. Помилование осуществляется все-таки худо-бедно, но с решения, какой-то поддержкой, не поддержкой, но людей, общественности, которая детально исследует все это. Потом это все еще идет в соответствующие административные ресурсы, включается. И только потом уже, далеко не все, поступает к Президенту.

Поэтому я думаю, что всячески надо развивать этот институт. А что делалось сейчас, сказать трудно. Честнее было бы вообще поставить крест, расформировать все комиссии по помилованию и пусть Президент пользуется своим конституционным правом и в политических, наверное, в первую очередь, принимает какие-то разовые, выверенные решения сам. Не думаю, что это правильно.

Второй момент, второе предложение. Я рискну несколько предложений сказать очень коротко. Делегировать, а, точнее, это все-таки тянет за собой изменение Конституции, как во многих странах, все-таки окончательное решение, может быть, не по всем, а по какой-то градации на уровне какой-то тяжести преступления принимают решение губернаторы.

Я писал Владимиру Владимировичу соответствующую бумагу, вот даже есть и резолюция Иванова, там разобраться... Но в связи с тем, что Конституция – это все-таки достаточно серьезно, хотя, после вчерашнего разговора, может быть, это будет несколько реальнее, этот вариант не был принят.

Я опять-таки рискну. У меня есть такой вариант. Дело в том, что много было плюсов у федеральной комиссии по помилованию, много плюсов у комиссии субъектов Федерации по помилованию. Главный из них какой? Что мы рядом, мы можем в любой момент встретиться с потерпевшим, осужденным, мы можем в любой момент встретиться с потерпевшей стороной и так далее и это делаем. А у федеральной комиссии по помилованию авторитет и плюс, как говорится, хорошая история, результат.

Может быть, есть смысл восстановить федеральную комиссию и оставить комиссии по субъектам Федерации, которые могли бы, к примеру, рассмотрев прошение, только

положительные, те, которые поддерживаются комиссиями региональными, рассматривать федеральной комиссией. В этом случае уже в пять раз сократился бы наплыв прошений на эту комиссию, и она бы справилась, одновременно был бы двойной фильтр получился бы. Потому что самое главное, конечно, в вопросах помилования – это не выпустить опасного преступника на свободу. Он все равно выйдет, но не выпустить опасного хотя бы раньше времени. И второе – это выпустить того, кому там делать нечего. Так вот, получился бы второй фильтр.

Притом это можно было бы сделать с точки зрения времени. Пять дней от одной комиссии до другой и потом без всяких административных ресурсов, без управлений прямо на стол Президенту. Мне кажется, это бы заработало и как-то сровняло эту пропасть. Не знаю, хорошо или плохо то, что много, мало, а то, что такие скачки, такой разрыв, это, конечно, совершенно неверно.

Я еще раз благодарю за то, что этим вопросом занялись. Уверен, что мы придем к какому-то результату, он просто крайне необходим. Наверное, нужна какая-то рабочая группа, которая подытожит, которая серьезно этим занялась бы. Я очень рад, что Совет по правам человека тоже этим занимается. Спасибо большое.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Алексей Сергеевич.

Коллеги, какие-то вопросы есть к выступающему? Спасибо.

Коллеги, время подходит к концу. Просьба просто в рамках регламента выступать.

Чернышов Василий Владиславович, старший преподаватель кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности юридического факультета Российского университета дружбы народов.

Пожалуйста.

В.В. ЧЕРНЫШОВ

Добрый день, коллеги!

Уважаемый Константин Эдуардович, уважаемые присутствующие! В продолжение доклада Тамары Георгиевны хотел бы пару слов сказать.

Учитывая регламент мероприятия, хочу коротко озвучить проблему, которую периодически затрагивают авторы в юридической прессе, то бишь возмещение вреда в контексте помилования. Президент страны, придавая большое значение защите гражданских прав, возмещение причиненного ущерба закрепил в пункте 12 положения о порядке

рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации в качестве одного из критериев, учитываемых при решении вопроса о помиловании.

Это обстоятельство на практике существенно влияет на принятие решения. При этом возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, должно лишь учитываться при рассмотрении ходатайства о помиловании.

Но как оно учитывается в реалии? В первую очередь здесь много зависит от позиции Комиссии по вопросам помилования на территории субъектов Российской Федерации, и зачастую от мнения ее председателя.

Каковы же эти позиции? Во-первых, необходимо отметить пожелания ряда авторов о законодательном закреплении требований о полном возмещении ущерба до подачи ходатайства о помиловании. Да, действительно, когда речь идет о помиловании в виде снятия судимости, такое требование вполне обоснованно.

Но возьмем лицо, которое отбывает наказание в виде реального срока лишения свободы. Не будем брать рецидивистов, рассмотрим преступления, совершенные впервые неумышленно или с косвенным умыслом, например, превышение пределов необходимой обороны. Какой ущерб может возместить это лицо, находясь в исправительном учреждении, особенно учитывая проблематику, озвученные на "круглом столе", который прошел в Совете Федерации 23 сентября этого года, актуальные вопросы Уголовно-процессуального кодекса и Уголовно-исполнительного кодекса? В первую очередь этот вопрос организации труда осужденных. К сожалению, как показывает практика, современная экономическая ситуация в стране и региональная специфика не позволяют обеспечить всех осужденных трудом. Процент трудоустроенности осужденных на оплачиваемую работу составляет не более 40 процентов.

К тому же достойная оплата труда осужденных де-факто не гарантируется. Практика невыплаты осужденным заработной платы, к сожалению, получила распространение и принимает различные формы такие, как привлечение к общественно полезному труду на производственных объектах, для которых штатным расписанием предусмотрена оплата труда...

К.Э. ДОБРЫНИН

Василий Владиславович, у меня вопрос просто возник. Я не очень понял переход к труду осужденных от помилования. Просто мне кажется, и у коллег этот вопрос возник. Какая здесь прямая взаимосвязь?

В.В. ЧЕРНЫШОВ

Согласно регламенту...

К.Э. ДОБРЫНИН

Я просто... Вот откуда Вы зашли – с возмещения ущерба?

В.В. ЧЕРНЫШОВ

Да.

К.Э. ДОБРЫНИН

Всё. Спасибо.

В.В. ЧЕРНЫШОВ

Так, такие как привлечение к общественно полезному труду на производственных объектах, для которых штатным расписанием предусмотрена оплата труда привлечения осужденных к труду без документального оформления оных.

С учетом изложенного осужденный может зарабатывать и соответственно возмещать ущерб гораздо больше, находясь на свободе. Повторюсь, это, конечно, в большей степени касается осужденных впервые за неумышленное преступление или преступление с косвенным умыслом.

Полагаю, стоит законодательно закрепить возможность возмещения ущерба после помилования. При этом должны учитываться такие данные, как образование осужденного, опыт работы, трудоустроенность до совершения преступления.

Да, конечно, эти предложения ни в коем случае не являются системным подходом к решению вопроса о возмещении вреда. У меня все. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Вопрос. А если не возместит ущерб после помилования, тогда что?

В.В. ЧЕРНЫШОВ

Вот как раз условное помилование, которое было озвучено предыдущими докладчиками, это и есть спорный вопрос, который бы стоило в дальнейшем рассмотреть.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо Вам.

Зинченко Валерий Валерьевич, член президиума Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, старший партнер юридической компании "Pen & Paper". Пожалуйста.

В.В. ЗИНЧЕНКО

Добрый день, уважаемые коллеги! Спасибо за возможность выступить по столь актуальной теме.

Я бы хотел в своем выступлении, достаточно кратком, коснуться, с одной стороны, достаточно узкого вопроса, но, с другой стороны, активно обсуждаемого в последнее время, в том числе не только в юридических СМИ. Речь пойдет о так называемой взаимосвязи между признанием вины и помилованием. Я думаю, что ни для кого не секрет, что Конституция никоим образом не увязывает факт признания вины с удовлетворением прошения или ходатайства о помиловании. Тем не менее в последнее время правоприменительная практика складывается таким образом, что иногда факт признания вины является необходимым атрибутом для помилования. Более того, после удовлетворения Президентом Российской Федерации достаточно резонансного прошения о помиловании в российских средствах массовой информации неоднократно прослеживалась прямая связь между возможностью помилования и признанием вины. Причем авторами таких высказываний были отнюдь не рядовые журналисты. Анализ же действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что ни Конституция, ни положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании, ни какой другой законодательный или подзаконный нормативный акт не содержит норм о необходимости признания своей вины просящим о помиловании. Наоборот Конституция провозглашает право каждого обратиться с просьбой о помиловании и не ставит это в зависимость от совершения каких-либо дополнительных действий. Безусловно, осужденный может в прощении, в ходатайстве о помиловании указать, что он признает свою вину, но это никак не может быть обязательным основанием для рассмотрения или удовлетворения этого прошения.

Я соглашусь с теми коллегами, которые считают, что из системного толкования Конституции Российской Федерации можно сделать вывод о том, что требования о признании осужденным своей вины нарушают его право на так называемый свидетельский иммунитет (известная всем статья 51 Конституции). Более того, международный пакт о гражданских и политических правах, участницей которого является наша страна, указывает на недопустимость принуждения признания себя виновным. Конституционный Суд, позволю себе зачитать, в свою очередь постановил, что свидетельский иммунитет – это одна из самых важных и необходимых предпосылок реального соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Конституционный Суд также указал и на то, что конституционного право каждого не свидетельствовать против

самого себя должно обеспечиваться на любой стадии уголовного судопроизводства, в том числе на стадии исполнения приговора. Продолжая эту мысль, Конституционный Суд, правда, в отношении института условно-досрочного освобождения, определил следующее, поэтому то обстоятельство, что лицо воспользовалось этим правом при решении вопроса об УДО, само по себе не может служить основанием для наступления для него каких-либо неблагоприятных последствий.

Я считаю, что право просить о помиловании, как и право не свидетельствовать против самого себя, являются безусловными правами каждого человека, а права и свободы, как всем нам известно, в соответствии со статьей 2 нашей Конституции являются высшей ценностью государства. А Президентом при этом является гарантом их соблюдения всеми, в том числе и им самим. Позволю себе предположить, что в случае непосредственной связи признания вины и помилования такой факт может подтолкнуть некоторых заключенных по сути и на самооговор. Поэтому обращаясь к многочисленным определениям помилования (здесь уже сегодня справедливо сказали о том, что нет законодательного определения помилования), хочу сказать, что в большинстве из них фигурирует понятие снисхождения, а снисхождение не означает необходимости поощрения преступника на совершенное преступление.

Поэтому вопрос признания своей вины при прошении не может являться обязательным. В связи с этим хочу поддержать коллег, которые предлагают серьезно подумать над федеральным законом о помиловании, в котором предлагаю урегулировать вопрос о невозможности возлагать на ходатайствующих о помиловании каких-либо дополнительных обязанностей. Потому что, на мой взгляд, не может быть половинного гуманизма, не может быть сострадания или снисхождения под условием.

Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо, Валерий Валерьевич. Очень хорошее замечание по поводу возможного самооговора.

Тарханов Ильдар Абдулхакович, председатель Комиссии по помилованию Республики Татарстан, декан юридического факультета Казанского федерального университета.

И.А. ТАРХАНОВ

Благодарю Вас, Константин Эдуардович, за то, что получил приглашение участвовать в заседании "круглого стола", организованного профильным комитетом, поскольку наш комитет

в том числе, что я являюсь членом Высшей квалификационной коллегии судей – представителем общественности, поэтому мне всегда интересны те проблемы, которые комитетом поднимаются. Это первое.

Во-вторых, я хочу сказать о том, что я здесь выступаю как бы в двух ипостасях. С одной стороны, я – профессор Казанского университета, это действительно так, а с другой стороны – председатель Комиссии по вопросам помилования Республики Татарстан. Поэтому я бы хотел в своем выступлении, я постараюсь, чтобы оно было кратким, сочетать и теоретические, и практические аспекты нашей проблемы.

Первое. Я хочу сказать о том, что все последствия решения практических вопросов, они зависят от того, какова правовая природа этого помилования. Сегодня мы об этом говорили. И иногда с удивлением приходится встречать в литературе утверждение о том, что помилование – это акт поощрения, правового поощрения. Это глубоко ошибочное, на мой взгляд, суждение, потому что правовое поощрение предполагает определенное позитивное, его называют сверхнормативное, поведение осужденного. И связывать основания поощрения только со сверхнормативным поведением человека и акт помилования связывать с наградой, я считаю, неправильно в корне. Это первое.

Во-вторых, иногда говорят о том, что помилование представляет собой компромисс, правовой, юридический компромисс. Компромисс действительно в уголовном праве имеет место, но здесь ему тоже не место, потому что компромисс предполагает уступку, взаимную уступку с двух сторон. Президент при помиловании делает уступку, изъятие из общих законов, как их раньше называли в дореволюционной литературе, а со стороны осужденного какого-либо встречного движения не требуется по закону. Поэтому постановка вопроса о том, что помилование – это некое поощрение, хотя это связано со смягчением ответственности, или компромисс какой-то, я думаю, неправильно. Оттуда и делаются и совершенно нелогичные, как я считаю, практические выводы.

Дело в том, что акт помилования представляет собой изъятие из действующего правила, которое должно действовать, изъятие принципа неотвратимости ответственности. И вот это изъятие должно определять и сущность самих оснований применения помилования.

Вот из этой как бы краткой теоретической концепции я хотел перейти к практическим выводам. Существует мнение о том, что правом осуществления помилования в отношении лиц, которые осуждены за преступления небольшой или средней тяжести, могут быть наделены

главы субъектов Федерации. Такая практика в Республике Татарстан была с 1994 года по 2001 год, когда президент Татарстана на основании договора Российской Федерации и Республики Татарстан мог применять помилование в отношении лиц, осужденных судами Республики Татарстан. За эту почти пятилетнюю практику президент Республики Татарстан помиловал 708 осужденных из 7983 человек, подавших такое ходатайство, то есть 8,7 процента, и в том числе двух осужденных к смертной казни.

Мне кажется, что возвращение к этому порядку не представляется обоснованным.

Что я кладу в основу своего вывода? Во-первых, Конституция сама решает вопрос в пользу государственной власти Российской Федерации, в данном случае представленной Президентом России. Это, во-первых.

Во-вторых, помилование является предметом ведения Российской Федерации согласно статье 71 Конституции.

Ну и, в-третьих, вы же знаете о том, что суд постановляет приговор именем Российской Федерации, и поэтому решения о помиловании должны приниматься лицом соответствующего уровня.

Дальше. Говорится о том, что в Конституции части третий в статье 50 каждый осужденный за преступление имеет право просить о помиловании или смягчении наказания. Вот существует такая тенденция, она характерна для последнего времени, что право на помилование рассматривается сквозь призму естественных прав человека.

Вот здесь Тамара Георгиевна сказала даже – абсолютное право осужденного. Я думаю, что это не совсем правильно, потому что даже вот сторонники такого подхода утверждают, что помилование – это акт милосердия к падшим, оно даруется государством. Поэтому естественным правом считаться, естественно, не может.

С другой стороны, я хотел бы сказать, что закон не устанавливает ограничений воспользования этим правом со стороны осужденных. Я считаю, что любой осужденный имеет право обращаться за помилованием, но не считаю обоснованным предложение о том, что родственники, общественные организации, трудовые коллективы должны быть наделены таким правом.

Я объясню, почему. Потому что еще Таганцев говорил в свое время в подтверждение вот этой идеи, что помилование – это проявление публичного права. Оно не может зависеть от воли преступника, только от воли преступника. Ходатайство о помиловании, как мне кажется,

это волеизъявление самого преступника, это его право. И ни государство, и ни родственники, ни общественные организации не могут его принудить к реализации этого права. Поэтому мнение родственников, трудового коллектива и так далее, может учитываться при решении этого вопросам, но сами они не могут быть инициаторами решения вопроса. Это мое мнение.

В-третьих, юридическая природа помилования такова, что она представляет собой межотраслевой институт. Нам действительно нужно принять федеральный закон о помиловании, поскольку акт помилования не имеет уголовно-правовой природы. Понимаете в чем дело: уголовный закон регламентирует не основание помилования, а последствия. Только поэтому в законе, в Уголовном кодексе, существует это право или регламентируется это право.

Мне кажется, что этот закон должен называться не о помиловании вообще, а о порядке и процедуре применения помилования. Потому что, если мы будем его называть "о помиловании", из самого названия вытекает, что мы начинаем ограничивать право Президента на реализацию его конституционного и правомочия, и обязанности, в конце концов.

Я считаю, что надо как-то упорядочивать практику, когда вопросы помилования, процедуры, порядка помилования решаются в подзаконных актах. В нашей стране есть такая тенденция, когда подзаконные акты выходят за пределы, которые регламентируются законом.

Вот есть инструкция Минюста, например, о том, что правом помилования обладают не только сами осужденные, но их родственники, трудовые коллективы и так далее. Но в законе же этого нет, ни в Конституции, нигде этого нет. Если общество придет к мнению о том, что необходимо решать именно так вопросы, то, значит, тогда их надо обсуждать, но подзаконный акт не вправе решать эти вопросы.

Я действительно соглашусь с тенденцией о том, что в последние годы практика помилования существенно сократилась. Вот я хотел бы привести просто две цифры, чтобы не задерживать ваше внимание. С 2012 года по 2014 годы в нашу комиссию поступило 324 ходатайства, и не одно из них не было удовлетворено, а мы рекомендовали 22 человека из этих 324.

То есть мы итак идем как бы очень конструктивно, критически подходим к вопросам решения вопроса о помиловании, рекомендаций о помиловании Президента нашей республики, поскольку именно он является лицом, которое представляет информацию.

Вот мне кажется, что в практическом плане (я завершаю свое выступление) в комиссии по помилованию должна быть официальная должность представителя Президента Российской

Федерации, как у нас это есть в Высшей квалификационной коллегии судей. Наряду с судьями есть представители общественности (10 человек) и отдельно представитель Президента. Президент сам может решить вопрос, кого назначить своим представителем в этой комиссии, но тогда бы мнение этого члена комиссии учитывалось именно как мнение представителя Президента Российской Федерации.

У нас в составе комиссии есть руководитель Государственного правового управления, но он рассматривается как обычный рядовой член, его голос именно такого плана.

Я считаю, еще раз, Константин Эдуардович, что мы подняли очень серьезный вопрос. Я даже немножко заулыбался, когда получил приглашение, потому что мне показалось, что только для студентов второго курса, которые сдают экзамен по уголовному праву, этот вопрос ясен и понятен. На самом деле он очень сложный, тяжелый. Если у комитета будет такая рекомендация, поручение поработать в составе рабочей группы, я согласен с этим. Спасибо вам большое.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Ильдар Абдулхакович.

Я не зря сказал, что мы действительно думали о том, в каком формате проводить этот "круглый стол". Порядка года у нас шло обсуждение, потому что мы понимали, что тема действительно сложная и решили ее поднять в таком больше, наверное, научном разрезе для того, чтобы просто начать.

У меня несколько замечаний буквально. Мне казалось, что Тамара Георгиевна имела в виду, когда говорила об абсолютном праве на помилование, что оно как бы из двух частей состоит. С одной стороны, это абсолютное право человека, который просит о милости, а, с другой стороны, абсолютное право человека, который эту милость оказывает, в лице государстве я имею в виду. Я правильно истолковал?

И еще. Вы сказали, что помилование – это в определенном смысле изъятие из принципа неотвратимости наказания. Но тогда можно еще вспомнить, что есть же принцип минимальной достаточности наказания, поэтому здесь есть такое встречное...

И.А. ТАРХАНОВ

Есть противоречия, я согласен с Вами, но в принципе общее правило одно... как говорил в свое время один из героев: преступник должен сидеть в тюрьме. *(Оживление в зале.)*

К.Э. ДОБРЫНИН

А что касается размышлений на тему наделения возможного гипотетического глав субъектов, я бы так на это ответил философски. Поскольку мы все-таки Федерация, если мы действительно говорим о каком-то дальнейшем развитии федерализма, то возможно через десятилетия об этом можно будет начинать думать и дискутировать на эту тему. Пока все-таки это абсолютно обоснованно полномочия Президента, хотя есть и американская модель, и мы все об этом знаем.

Спасибо, коллеги, завершающее выступление. Гривцов Андрей Андреевич, руководитель уголовной практики Адвокатского бюро "Забейда, Касаткин, Саушкин и партнеры". Адвокаты у нас завершают.

А.А. ГРИВЦОВ

Здравствуйте, уважаемые коллеги! Прежде всего, хочу поблагодарить за поступившее предложение в участии в этом "круглом столе". Спасибо уважаемый, Константин Эдуардович.

Поскольку я последний, я постараюсь покороче, никого не утомлять. Но, с другой стороны, поскольку запоминается у нас последнее и все-таки большинство из нас пришло к выводу, что нам нужно как-то упорядочивать процедуру, может быть, принимать отдельный федеральный закон, вот я и хочу покритиковать чуть-чуть действующую процедуру, с одной стороны, может быть, что-то предложить. Если это что-то покажется кому-то несколько революционным, давайте обсуждать.

Сразу скажу, что я – практикующий юрист, я не теоретик и в процедуре помилования, несмотря на то, что я практикующий юрист, уголовный юрист и активно практикующий юрист, я ни в каком виде участие не принимал. И все мои рассуждения в данном случае основаны в большей степени на анализе существующих нормативно-правовых актов по вопросам помилования, специальной литературе и статистике, которую мне удалось отыскать в общедоступных источниках.

Безусловно, я, как и все здесь присутствующие, заинтересован в совершенствовании существующей процедуры.

Что касается того, почему я не принимал, справедливо здесь уже отмечено, что редко она у нас применяется, эта процедура, и не всякий юрист с ней сталкивается на практике. Я об этом еще скажу.

Теперь остановлюсь на тех проблемах, которые я для себя увидел. Мы все знаем, что помилование – это акт высшей воли государства в отношении индивидуально определенного лица. Уже в силу самой природы помилования у нас эта процедура эксклюзивная, не может применяться массово.

То, что сейчас происходит с этой процедурой, меня, как практикующего юриста, подчеркну, в области защиты, порадовать не может. Речь идет о статистике, все мы знаем. Для меня она прискорбна. Если за прошлый год у нас пять человек помиловано, по состоянию на конец ноября у нас два человека помиловано. Константин Эдуардович сказал, что он не знает, как это оценить. Я, как практикующий юрист в области защиты, оцениваю эту ситуацию как крайне прискорбную.

Теперь о гласности, открытости процедуры. Когда я готовился к этому выступлению, пытался вспомнить вообще о случаях помилования за последние годы у нас в стране. Мне вспомнилось три. Это Мохнаткин, который подрался с сотрудником полиции. Его помиловал еще Президент Медведев. Сейчас Мохнаткин снова привлекается к уголовной ответственности. Это Ходорковский, которого упоминали. И это сотрудник ФСБ, которого тоже упоминали.

Я могу вам сказать, что в силу специфики своей работы я слежу регулярно за всеми средствами массовой информации, читаю все уголовно-правовые новости от корки до корки. Что это означает? Что эти вопросы недостаточно все-таки освещаются. Если они освещаются, то не применительно к самой процедуре, а применительно к личностям конкретных лиц, которые помилованы. О Ходорковском мы все слышали.

Еще одна проблема, которую вижу, – закрытость самой процедуры. Изучил все основные нормативные акты. Прежде всего, это у нас указ Президента № 1500. Честно, я для себя так и не понял, от кого конкретно зависит, что на стол Президенту ляжет проект положительного решения о помиловании. Я не понял не от того, что я такой непонятливый. Это у нас, действительно, процедура закрытая. Да, первоначальное заключение у нас готовится в комиссиях по помилованию в субъектах Федерации. Дальше все это попадает в Администрацию Президента. Есть у нас Управление по обеспечению конституционных прав граждан.

Но каким образом происходит это обсуждение? Я не знаю, это обсуждается коллегиально или какой-то один сотрудник этим занимается, на какой-то комиссии это разбирается. Это совершенно непонятно. Хотелось бы какой-то регламентации в этом вопросе.

Я так понимаю, что сами лица, в отношении которых проводится эта процедура, их адвокаты, представители общественности, во всех этих обсуждениях на уровне Администрации Президента никаким образом, наверное, не могут участвовать. Мне кажется, это не совсем правильно. Выводы о критериях, которые применяются, да, у нас не должно быть никаких критериев, но мы же с вами это все как-то оцениваем, мы тоже можем делать, исключительно анализируя принятые решения. Обычно эксперты говорят, что Президент применяет помилование в отношении лиц, совершивших преступление небольшое, средней тяжести. Из трех примеров, которые я озвучил, у нас Ходорковский обвинялся в совершении тяжкого преступления, сотрудник ФСБ – особо тяжкого преступления.

К.Э. ДОБРЫНИН

А Мохнаткин, по-моему, нет.

А.А. ГРИВЦОВ

Мохнаткин, да. 318-я у него, если не ошибаюсь. Это преступление средней тяжести.

Не говорю я о том, что общество по большому счету не получает информации о том, по каким причинам Президентом отклоняется или удовлетворяется то или иное ходатайство.

У нас широко обсуждалось, что сотрудника ФСБ, обвиненного в убийстве, помиловали, а многих не помиловали.

Так, может быть, как-то нам озвучивать эту информацию, доводить, почему именно этого сотрудника ФСБ помиловали. Я не только о сотруднике ФСБ говорю. Честно скажу, мне вообще не совсем нравится (покрытикую в очередной раз), что вопросами подготовки проектов заключений, решений Президента ведают чиновники из Администрации Президента. Все-таки мне кажется, что помилование – это акт гуманизма, проявление милости. Мне кажется, здесь не должно быть формального чиновничьего подхода. А то сидит там некий сотрудник...

К.Э. ДОБРЫНИН

Вы идеалист. Исходя из объема работы, я понимаю, что хорошо было бы так, как Вы говорите, чтобы Президент сидел и сам целыми днями...

А.А. ГРИВЦОВ

Нет, Константин Эдуардович, я предложу все-таки кое-что. Безусловно, у нас огромная страна. Я не уверен, что Президент в силах просто что-либо прочитать. Но почему этим занимается некий чиновник? К предложениям я потом перейду.

Не совсем я также понимаю, кто у нас входит в состав комиссии по помилованию. В указе Президента у нас говорится, что в комиссию входят лица с высшим образованием, пользующиеся общим уважением и безупречной репутацией. Мне все-таки кажется, что эти критерии несколько размыты. Например, в каком-нибудь субъекте с учетом таких критериев мы принимаем в комиссию из всех силовых ведомств, председателей судов и в том числе лиц, которые выносили приговоры тем, кто обращается с ходатайством. В указе у нас сказано, что не менее двух третей членов должны являться представителями общественности. Но опять же никакой конкретики у нас нет. Бывший начальник ОВД, бывший прокурор субъекта – все войдут в комиссию. Все-таки надо как-то это упорядочить, мне кажется.

Чего еще хотелось бы? Хотелось бы больше упорядочения в нормативном регулировании самой процедуры работы комиссий и проведения заседаний. На федеральном уровне опять же этот вопрос у нас не разрешен. В разных случаях эти вопросы решаются по-разному. Имеют ли право присутствовать, принимать участие в заседаниях комиссий какие-либо иные лица в целях общественного контроля – журналисты, адвокаты? Мне кажется, эту процедуру тоже было бы неплохо прописать. Сейчас, насколько я понимаю, в каждом субъекте эти вопросы решаются по-разному.

Что касается так называемого условного помилования, да, кто-то скажет, что сложная процедура, что делать. Я, если честно, считаю, что это вопросы технические, понимаете? Если мы говорим, что помилование – это у нас от милости и гуманизма, так давайте миловать. Просто те, кто говорят о каких-то технических проблемах, достаточно просто прийти в любой следственный изолятор. Я не знаю, может быть, кто-то давно не был, но могу сказать, что у нас очереди в следственных изоляторах. За трое суток записываются адвокаты, чтобы просто пройти в следственный изолятор.

Ну, покритиковал, теперь позволю себе высказать ряд предложений об изменении законодательства по вопросам помилования. Я бы все-таки предложил воссоздать при Президенте комиссию по помилованию. Хотелось бы упорядочить либо путем принятия федерального закона, что здесь уже озвучивалось, либо путем внесения изменений в существующий указ Президента № 1500. В процедуре проведения заседаний комиссии закрепить предложение о том, что в заседаниях имеет право принимать участие само лицо, которое заявило такое ходатайство, его защитник, журналисты, ну и как-то прописать эту всю процедуру.

На федеральном уровне предлагаю упорядочить процедуру назначения членов комиссий в субъектах Федерации.

Ввести положение (давайте обсуждать опять же, но, допустим), что в комиссию включаются не абстрактные представители общественности, а, допустим, два уважаемых журналиста в этом субъекте Федерации, два уважаемых адвоката, два ученых, как-то определить эти критерии. Опять же, кто-то скажет, что нам это сложно, нужно менять Конституцию, но давайте все-таки подумаем, почему бы не отнести все-таки вопросы помилования по преступлениям небольшой и средней тяжести к ведению глав субъектов? Мы же говорим о целях помилования, у нас же вопрос даже звучит – гуманизация уголовно-правового законодательства. Давайте как-то рассмотрим и этот вопрос, и возможность заменять реальное наказание на условное в порядке помилования? Спасибо большое.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Андрей Андреевич.

Маленькая буквально ремарка. Я на самом деле тоже задумывался о том, почему практически нет в СМИ информации о том, что вот такой-то заявил ходатайство о помиловании. В этом, кстати, тоже есть определенный ответ на вопрос, почему, может быть, так мало помилований. Понимаете, это вопрос и к людям, и к адвокатам, и в том числе и к СМИ, потому что, если создавать вот этот фон, если человек заявляет об этом, СМИ рассказывают, что вот такие были подвиги или не подвиги, и общество, в том числе реагируя на это, создает правильный фон, который, возможно, повлияет в том числе на статистику по помилованиям в сторону ее увеличения, что, наверное, было бы все-таки неплохо.

Вы знаете, резюмируя, я в какой-то задумчивости, потому что когда мы наш "круглый стол" начинали, я все-таки процентов на 80 был уверен, что федеральный закон о помиловании абсолютно точно нужен. Сейчас я могу сказать, что я готов рассуждать об этом. Условно говоря, 60 процентов – нужен, 40 процентов – возможно, нужны точные поправки. То есть о чем я говорю? Я говорю о том, что к реформированию института помилования подходить надо, я бы вот так это резюмировал, но, знаете, подходить очень осторожно, как говорят некоторые адвокаты, на мягких лапах, для того чтобы ни в коем случае не навредить. Но при этом обязательно надо учитывать эту идею, которая не раз прозвучала, о воссоздании при Президенте федеральной комиссии по помилованию.

Также я всех приглашаю к дальнейшей работе по этому направлению, потому что, в принципе, все основные болевые точки мы сегодня, мне кажется, отметили, и также пути решения обсудили. Мы открыты. Я думаю, что мы с коллегой Федотовым создадим рабочую группу, и приглашаем вас принять участие в этой работе. В любом случае это будет интересно и полезно. Спасибо большое. Прошу прощение у тех, кто не успел задать вопросы. Но мы, к сожалению, вышли из графика и из темы. Спасибо большое.
